

Инструкции

Murray Leinster • **Regulations** • Thrilling Wonder Stories, August 1948 •
Перевод с английского: В. Гольдич, И. Оганесова

Хотя ужасный шум в темноте производил всего лишь бог росы, Фанес позволил себе открыть глаза. Потом он слегка приподнялся. Над койкой Болеса горел приглушенный свет, и тот торопливо собирал мешок для визита в торговый центр на Лэмпианских холмах. Еда, фляги и другие товары, чтобы обменять все это на волокно ллосса, которое на Земле стоило на вес платины.

Фанес извиняющимся жестом поднял руки, когда тот резко повернулся к нему. Болес негодуяще фыркнул.

— Это всего лишь один из богов, — пренебрежительно сказал он. — Они всегда шумят перед рассветом.

Фанес сделал вид, что глупо ухмыляется, словно только что проснулся. Он был в курсе существования бога росы. С мозгами у него было лучше, чем у Болеса, и во всем, что имело хоть какое-то значение на Ориксе, он разбирался лучше его, хотя пробыл на маленькой планете всего пять месяцев. Благодаря своим познаниям он не спал уже несколько часов, лихорадочно размышляя, не лучше ли из общих соображений прикончить Болеса сегодня утром. На то была причина, но ему хотелось посмотреть на Болеса, вернувшегося с Лэмпианских холмов, где ему предстояло обнаружить, что торговый центр обращен в пепел, от деревушки хонки остался лишь черный шрам на зеленой поверхности Орикса, а корабль, доставляющий припасы, успел улететь.

Было бы забавно посмотреть, как Болес пытается прожить на Ориксе без припасов с Земли до того момента, как прилетит следующий корабль. Фанес решил не убивать его сегодня, пусть сначала узнает, какой он глупец. Между тем Болес смотрел на него свысока.

— Я знаю, — зевнув, ответил Фанес. — Но сегодня утром шум заметно громче, чем обычно. Интересно...

— В инструкциях сказано, что не стоит связываться с местными обычаями и религией, — сурово заявил Болес. — Нам не платят за проявление интереса. Кончай заниматься ерундой.

Болес проверил оборудование по списку. Потом бросил взгляд на приборную панель и в строгом соответствии с правилами принялся

переписывать показания в вахтенный журнал. Температура. Влажность — всегда от 97 до 100 процентов днем, но иногда снижается до 90 процентов ночью. Ионизационная константа воздуха. Фанес с иронией наблюдал за пылом Болеса. Много им будет толку от этих наблюдений!

— Я разберусь с журналом, Болес, — нетерпеливо сказал он. — У меня будет возможность им заняться, когда ты уйдешь.

— Пока я здесь, заполнять журнал по инструкции должен я, — упрямо возразил Болес. — А когда меня нет — правила говорят, что это должен делать ты. Достаточно выполнять инструкции, Фанес, и все будет в порядке.

Дьявольский шум, который создавал бог росы в джунглях, становился все громче. Ни один человек, говорилось в «Инструкциях для Орикса», никогда не видел бога росы. Но местные божества играли важнейшую роль в жизни хонки, и продолжение успешной торговли требовало уважать их верования.

— Будь они прокляты! — бросил Фанес с иронией, внешне при этом выказывая раздражение. — Как жаль, что инструкции не позволяют человеку бороться с шумом. Трудно переносить, когда каждое утро тебя будит какой-нибудь бог хонки, голос которого подобен вою шестнадцати пароходных гудков — причем у каждого своя тональность.

Болес, одетый в водонепроницаемый комбинезон, пожал плечами. На Ориксе, где никогда не идет дождь, все равно приходилось носить непромокаемую одежду.

— Послушай меня! — твердо сказал Болес. — Ты должен это понять! До того как был построен форт, на Ориксе находился исследовательский отряд Компании. Ты же читал отчеты. Они изучали планету и поведение аборигенов, а потом оставили инструкции для нас, работников форта. Они написали хорошие инструкции. Если им следовать, с тобой ничего не случится. Точно так же и в отношениях с хонки.

Хонки каким-то образом сообразили, что нужно делать, чтобы все шло гладко. Они пришли к своим выводам не научными методами, а как люди в далекой древности. Нет, они не стали называть эти правила инструкциями. Они назвали их религией. Однако сработало. Для хонки религия оказалась хорошей инструкцией, и лучше ей не противоречить. Тогда у тебя не будет никаких неприятностей.

— Уверю тебя, — скептически сказал Фанес, — я не стану убеждать хонки стать атеистами.

— Да, — кивнул Болес. — И это тоже. Не убеждай. Болес застегнул молнию комбинезона. Затем он занялся

многочисленными ремнями, на которых крепилось необходимое оборудование. Фанес наблюдал за ним, с трудом скрывая улыбку. Значит, ему не следует противоречить религии хонки?

Окна форта задрожали, когда бог завыл особенно громко. Он, Фанес, знал относительно религии хонки такое, о чем Болес даже не подозревал. Очевидно, исследовательский отряд тоже не владел этой информацией. Боги, ревущие в темноте, могли вызвать любопытство даже у людей вроде Фанеса, всегда презиравшего такие глупости, как религия и инструкции. Фанес получал особое удовлетворение, нарушая все ограничения относительно хонки под самым носом у Болеса. Он установил камеру со вспышкой, которая реагировала всякий раз, когда бог росы начинал реветь, так что у Фанеса имелась его фотография.

Ослепительная вспышка напугала бога. Он бросился бежать и врезался в ствол дерева. Кристалл с его изображением лежал в кармане пижамы Фанеса, а рядом с деревом он нашел сувенир религии хонки. Он оторвался от головного убора бога росы. Фотография показывала, сколько таких сувениров украшало этот убор. Поэтому Фанес и планировал убийство на утро, однако окончательного решения так и не принял. Перспективы могли легко вскружить человеку голову.

Фанес мыслил с удивительной ясностью и тщательно продумал свой план. Он получился великолепным. Фанес искренне жалел, что никто никогда о нем не узнает. Однако в плане возникло два неожиданных изменения — одно было вызвано полученным по радио сообщением, а другое определялось решением Болеса отправиться на Лэмпиианские холмы.

Теперь Фанес, если ему захочется, может оставить Болеса в живых, чтобы тот осознал, в какое серьезное положение угодил. Когда Болес вернется, а это произойдет не раньше чем через шесть дней, он все поймет. Быть может, не все, но сувенир — небольшой, оставленный на полке там, где его нельзя не заметить, — позволит ему восстановить по частям всю историю, пока он будет вести безрадостную жизнь на Ориксе и ждать, когда прилетит другой корабль.

Болес успел пристегнуть все атрибуты, настоятельно рекомендуемые инструкцией для путешествий по Ориксу. Снаружи все еще было темно. Бог росы продолжать реветь, хоть уже и не так громко.

— Все, — коротко сказал Болес. — Я ухожу. И не забывай следовать правилам, пока меня нет!

— Интересно, какое из них я намерен нарушить в твое отсутствие? — с иронией спросил Фанес. — То, в котором запрещается приставать к местным женщинам?

Болес без улыбки покачал головой. Женщины Орикса, с зеленоватой, напоминающей хитин кожей, никогда не привлекали людей.

— Нет, — угрюмо ответил Болес. — Но твое отношение к делу мне не нравится. За инструкциями стоят опыт и разум — даже за инструкциями хонки, которые они называют религией. Быть может, мне следовало... — Он колебался, и Фанес холодно подумал, что жизнь Болеса повисла на волоске, хотя сам он ничего не подозревал. — Ладно, — наконец сказал Болес. Необходимость его убивать отпала. — Надеюсь, ты справишься. Пока.

Он вышел и закрыл за собой дверь. В промежутке между двумя воплями бога росы послышалось негромкое хлопанье. На Ориксе не бывает дождей. Никогда. Поэтому к рассвету на деревьях в джунглях скапливаются огромные капли росы.

Так что Болес, шествовавший по густому кустарнику, периодически оказывался под водопадом, льющимся с ветвей.

Фанес негромко рассмеялся и вынул руку из-под водонепроницаемого одеяла, без которого человек на Ориксе спать не может, если не хочет проснуться мокрым насквозь. Он посмотрел на вытащенный пистолет. Во время беседы с Болесом он не выпускал оружие из рук — и был готов спустить курок в любой момент. Возможно — вполне возможно, — он совершил ошибку, оставив Болеса в живых. Но тот ушел без оружия. На Ориксе оружие не требуется. Хонки никого не убивают. Им запрещает религия. Кроме того, у людей, как и у хонки, красная кровь, а религия не позволяет аборигенам смотреть на все, что имеет красный цвет.

Фанес встал и внес поправки в систему космической связи. Рация молчала в течение последних четырех дней — с тех пор, как он услышал, что грузовой корабль прибудет на десять дней раньше, чем его ждет Болес. Он ничего не знал, поскольку Фанес оставил эту информацию при себе. А теперь он ушел, корабль прилетит и улетит, а до возвращения Болеса произойдет много интересного. Восстановив связь, Фанес принялся неторопливо одеваться, улыбаясь собственным мыслям.

Постепенно рев бога росы стих. Фанес выглянул в окно. Небо на востоке, где сейчас вставало местное солнце, уже заметно посветлело. Однако мир еще не успел обрести цвет. Он оставался по-ночному серым. Появился белый диск солнца. На Ориксе нет дождей — именно из-за этой аномалии небо при восходе и закате никогда не бывает алым.

Орикс — магниева планета. Магний там можно найти повсюду, как на Земле — натрий. Кроме того, здесь часто встречаются соединения хлора. Как

и на Земле, повсюду есть соли, так что на Ориксе превалируют хлориды магния, в частности в телах хонки и насекомых — животных здесь практически не водится, — а также в соках деревьев и почве. Результат получается поразительный. Определенные вещества поглощают влагу из воздуха до тех пор, пока сами не становятся растворами, а хлорид магния является хорошо растворимым соединением.

Вот почему все на Ориксе поглощало влагу и удерживало ее. Все здесь было влажным. Если в результате экстраординарных событий образовывалась пыль, она очень быстро пропитывалась водой и становилась грязью.

Иными словами, на Ориксе не было пыли, не могло быть красочных закатов и восходов, в небе никогда не собирались тучи, а значит, на землю не проливались дожди. А раз не было дождей, не возникало ручьев, прудов, заводей или озер. Всю поверхность планеты покрывали джунгли, получавшие влагу от росы, которая собиралась только на твердых поверхностях.

Не слишком приятное место обитания для людей, но хонки не знали другой жизни, строили дома и делали инструменты из мыльного камня, тщательно соблюдая табу своей странной религии. Их культура оставалась на зачаточном уровне развития. Хонки не знали огня, поскольку на планете не бывало молний. И не открыли металлы, ведь без огня невозможно плавление. Вся их жизнь подчинялась сложной обрядовой системе.

Даже расположение их поселений определялось религиозным отвращением к красному цвету. Вот почему они не могли обрабатывать почву из красной глины. Однако ближайшая деревенька могла не опасаться случайного святотатства. Поля, над которыми ревел бог росы, были синевато-серыми, липкая почва — о чем Фанес знал на основании личного опыта — отличалась удивительной клейкостью, и только яркие лучи солнца могли ее немного подсушить.

Он с удовольствием позавтракал. До настоящего момента он не совершил ничего противозаконного, если не считать отключения радиосвязи, а это никто не сумел бы доказать. Он не стал убивать Болеса. Он еще мог отказаться от своих планов и рассказать Компании об открытии, получить повышение и увеличить доходы на несколько сотен кредитов в год. Фанеса поражала глупость людей, не способных поступить так, как он, чтобы провести остаток жизни в роскоши, которую дает лишь огромное богатство. Впрочем, Фанес, вне всякого сомнения, был очень умен. Он всячески себя одобрял.

Закончив завтракать, он вновь выглянул в окно. Солнце успело подняться над джунглями, придав ландшафту особое великолепие. Огромные

капли росы, сверкавшей в его лучах, покрывали каждый лист. Лишь там, где прошел Болес, листья стали почти сухими. Те деревья, которых он коснулся, лишились алмазных россыпей. Роса скатилась на землю. Его путь можно было легко проследить. Он ушел в сторону Лэмпиианских холмов.

За спиной Фанеса забормотала включенная рация:

«ПРОВЕРКА ДЛЯ ТОРГОВОГО ФОРТА НА ОРИКСЕ. КУРС И СКОРОСТЬ ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНИМИ. МЫ ПРИЗЕМЛИМСЯ ВОЗЛЕ ФОРТА ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ДВА ЧАСА ПЯТНАДЦАТЬ ЗЕМНЫХ МИНУТ».

Грузовой корабль посылал сообщение уже далеко не в первый раз.

Впрочем, сейчас это интересовало Фанеса меньше всего. Он застегнул пояс с пистолетом, зашел в кладовую и открыл ящик, в котором все пять месяцев пролежало плазменное ружье. Он тщательно его почистил и зарядил. Затем подошел к двери, распахнул ее, направил ружье на джунгли и выстрелил.

Образовался выжженный круг диаметром в десять ярдов. Над ним поднимался дым. Вскоре он исчез. Его частицы не могли долго сохраняться в столь влажном воздухе. На них конденсировалась вода. И дым превращался в туман. А туман становился дождем. Солидный душ пролился на выжженный участок джунглей. Недогоревшие угольки погасли.

Фанес ухмыльнулся. Он не ожидал такого поворота событий, но это показалось ему забавным. Сегодня все вокруг веселило его. Солнце поднялось выше, и мерцающая роса испарилась. Тумана не образовалось, но воздух был настолько напоен влагой, что становилось трудно дышать. Фанес вспомнил лекцию, которую с важным видом прочитал ему Болес. Каждая капля росы, утверждал он, является маленькой лупой. Она фокусирует лучи утреннего солнца на листе, обжигая его поверхность. Так что оглушительный утренний рев бога росы приводит к тому, что листья начинают вибрировать, и капли стекают вниз. В результате урожай хонки не сгорает. Но, лишившись поддержки бога росы, хонки будут обречены на голод.

Фанес закинул плазменное ружье за спину, убедился, что пистолет, висевший на поясе, заряжен, и зашагал в сторону поселения хонки. Там, в хижинах из мыльного камня, жили четыре с лишним сотни аборигенов. Кожа хонки имела зеленоватый оттенок и, хоть отличалась от хитина насекомых, была довольно толстой и прочной — хорошо сгибалась только в районе суставов.

Хонки были серьезными и спокойными существами, жизнь которых целиком и полностью определялась религией — как и жизнь Болеса, поклонявшегося инструкциям. Болес утверждал, что религия хонки и есть их инструкции, — вероятно, он был прав. Однако Фанес не был набожен и не подчинялся никаким правилам — за исключением тех, что придумал сам.

Он шел, и джунгли высыхали у него на глазах. Теперь у него уже не было ощущения, что он идет под душем. Если не считать слишком влажного воздуха, Фанес не ощущал дискомфорта. Через полчаса он вышел на синевато-серое поле, где хонки выращивали урожай. Он нетерпеливо улыбнулся и зашагал через поле к деревне. Однако он замедлил шаг, чтобы повнимательнее взглянуть на почву.

Он понял, что это значит, и рассмеялся. Здесь ему не придется искать сувениры на земле! Этим займутся хонки! Он шел все дальше, и улыбка не сходила с его лица. Теперь он двигался по залитому солнцем открытому пространству между растениями, доходившими ему до плеч, — до хижин оставалось совсем немного. Он видел хонки, работающих на полях. Аборигены пользовались мотыгами нелепой формы, разрыхляя почву вокруг растений, которые обеспечивали их пищей.

Фанес подозревал, что его заметили, но знал, что никогда не увидит, как хонки смотрят прямо на него. Он ожидал услышать протесты, поэтому приготовил плазменное ружье, но всякий раз, когда он резко поворачивал голову, чтобы застать врасплох кого-нибудь из хонки, тот оказывался полностью поглощенным работой.

Такого поворота Фанес не ожидал. Людям не разрешалось входить в деревни хонки. Инструкции Компании, которые Болес тщательно соблюдал, категорически это запрещали. Фанес нарушил один из базовых принципов. Люди не должны появляться в поселениях аборигенов! Этого требует религия хонки!

Человек, входивший в деревню хонки, совершал святотатство. Богохульство! Преступление! Однако они делали вид, что ничего не замечают. Фанес почувствовал раздражение. Он приготовился применить плазменное ружье, чтобы получить то, что здесь находится. Он даже был согласен учинить массовое убийство. Его намерение совершить то, что религия называет преступлением, не вызывало никаких сомнений. Но хонки не обращали на Фанеса внимания.

По мере того как он подходил к деревне, их становилось все больше. Мужчины хонки. Женщины хонки. Маленькие дети — мужского и женского пола — бегали вокруг взрослых особей. Все наблюдали за ним краем глаза, все знали, что он поступает наперекор их богам, находясь в деревне. Но ни один

даже виду не подал, что знает о существовании Фанеса. Наконец он остановился в десяти футах от мужчины хонки, который старательно разрыхлял землю вокруг корней растения.

— Друг мой, — иронически заговорил Фанес, прекрасно зная, что хонки его не поймет. — Я восхищен твоей деятельностью. Но не кажется ли тебе, что она бессмысленна? Разве тебе не следует защищать своих богов, дом и очаг? Разве ты не видишь, что я вошел в деревню? Неужели вы даже не подозреваете, что я намерен ограбить вашего бога с громким голосом? Короче, тебе не кажется, что нужно что-то предпринять? Конечно, в таком случае я тебя наверняка прикончу, но делать вид, что вы меня не замечаете, глупо.

Однако хонки продолжал работать, а по его неподвижному лицу было невозможно понять, слышит ли он слова человека. Фанес начал нервничать, а в его глазах загорелась беспричинная злоба.

— Так в чем дело? — с мрачной усмешкой спросил он. — Ты боишься за свою зеленую шкуру? Где твое благочестие? Я стою перед тобой, еще немного, и я оскверню самое святое, что есть в вашей религии, — а ты делаешь вид, будто меня не существует!

Хонки продолжал мотыжить землю. Неожиданно Фанес сплюнул.

— Ну и черт с тобой! — заорал он. Фанес ненавидел зеленокожих обитателей Орикса только потому, что намеревался совершить преступление против их племени. Ему требовалось сопротивление, чтобы он мог продемонстрировать свое мужество и ум. Он жаждал увидеть страх в глазах жертв. Фанес мечтал, чтобы в его памяти осталась сцена схватки, в которой он проявит безрассудную храбрость, чтобы обеспечить себе роскошную жизнь. — Ты такой же глупец, как и Болес! Ты и твои боги! Он и его инструкции! Ну и черт со всеми вами!

Он злобно посмотрел на стройную нечеловеческую фигуру, спокойно направившуюся к следующему растению. Хонки даже виду не подал, что заметил орущего Фанеса.

Охваченный яростью, Фанес зашагал дальше. Он проходил мимо множества хонки. И все делали вид, что его не видят. Никто не боялся Фанеса. Плазменное ружье могло бы истребить всех хонки на Ориксе, если бы они осмелились на него напасть. Его переполняла ненависть к проклятым аборигенам, но, самое главное, он не понимал, почему его игнорируют.

Наконец Фанес вошел в деревню. Все дома были построены из блоков мыльного камня, украшенных сложными орнаментами, однако сейчас они вызвали у него лишь новый приступ раздражения. Мыльный камень, как рассказал Болес, хонки приносят на своих спинах, преодолевая более пятидесяти миль, — только для того, чтобы построить деревню на месте, где

нет красной глины. Здесь наверняка живут уже несколько поколений. Быть может, поселению тысяча лет.

Казалось, здесь никого нет, но Фанес знал, что это не так. Хонки не выходили из домов: так им было легче делать вид, будто его не существует. Они вели себя оскорбительно. И очень глупо. Тем самым хонки отрицали мужество, хитрость и ум Фанеса, который дерзнул бросить вызов их богам и инструкциям Компании, чтобы прийти сюда и ограбить бога, который так оглушительно ревел за час до рассвета.

Фанес снял с плеча плазменное ружье. Он тщательно продумал свой план и знал, что хонки не сумеют ему помешать. И хотя все в нем кипело от бессмысленной ярости, Фанес приготовился заставить хонки сыграть ту роль, которую он им отвел. Главное здесь состояло в том, чтобы быстро и безжалостно уничтожить спрятавшихся аборигенов, а у остальных вызвать ненависть.

Дальше последует быстрое разграбление храма бога росы и возвращение в форт, которое будет сопровождаться безжалостным использованием плазменного ружья. Впрочем, у хонки постоянно должна оставаться надежда, что они сумеют добраться до обидчика и отомстить за убийства и осквернение святынь.

Когда грузовой корабль приземлится, хонки будут штурмовать форт. И его рассказ о религиозном неистовстве, начавшемся с убийства Болеса — который будет жив и здоров, — прозвучит убедительно. И тогда, в полном соответствии с инструкциями, капитан корабля будет вынужден эвакуировать форт, увезя с собой Фанеса и все, что он сумеет спрятать среди вещей, на ближайшую цивилизованную планету, где он тут же исчезнет с неисчислимыми богатствами.

И еще Фанес потребует, чтобы капитан сжег деревню пламенем корабельных дюз. Капитан не станет возражать, выслушав рассказанную историю. Она объяснит ярость Фанеса, поскольку только обезумевший от горя человек станет требовать мести, а Болес пользовался огромной популярностью среди работников Объединенной Торговой Компании.

Фанес выстрелил. Яркое пламя охватило ближайший дом. С ревом вспыхнул огонь. Затем последовал второй выстрел, третий, четвертый.

Он увидел, как начали спасаться от огня хонки. Они бежали не останавливаясь. Его замысел выполнялся, все шло по плану, и однажды Болес найдет последний кристалл, сувенир местной религии, оставленный Фанесом в качестве совершенно очевидной улики.

Теперь в деревушке остался только Фанес. Отчаянно ругаясь без малейшей на то причины, с пересохшим горлом и слезящимися глазами, он

подошел к храму бога росы, чтобы забрать богатства, которые там находились. Они должны быть там. Фанес не мог ошибиться. Он заполучил фотографию бога росы, с головного убора которого упал сверкающий кристалл, и увидел синюю глину. Подобная же встречается на плато Кимберли, на Земле. Благодаря чистой логике, которой пользуются такие умные люди, как Фанес, он твердо знал, что в храме хранятся несметные сокровища.

Древность поселения лишь подтверждала его оценки. Хонки обрабатывали поля синей глины в течение примерно тысячи лет. Поклоняясь своему богу, они собирали блестящие кристаллы, похожие на отвердевшие капли росы и так же отражающие солнце. Болес подходящих подношений хонки не могли представить.

Бог росы носил целые связки сверкающих камней на головном уборе! Один из таких кристаллов, который он потерял, напуганный вспышкой камеры, лежал сейчас в кармане Фанеса. Один только головной убор сделает его богатым человеком, но он не сомневался, что в течение тысячи лет каждый хонки отдавал в храм хотя бы один необработанный алмаз, найденный на полях. А тысяча лет таких подношений означала, что Фанесу будет принадлежать неслыханное богатство.

Он еще раз выстрелил из плазменного ружья, повинувшись исключительно желанию разрушать, и с усмешкой вошел в храм, готовый прикончить всякого, кто встанет между ним и сокровищами.

Высокий хонки сидел на корточках перед торговым фортом и с трудом пытался произнести те несколько слов земного языка, которые были ему известны. Болес слушал его с возмущением.

— Твой посланец догнал меня и вернул обратно, — высокомерно сказал Болес. — Согласно инструкции я должен оказывать тебе всяческую помощь. Но это плохо!

Хонки вновь попытался донести информацию до Болеса на земном языке. Затем перешел на родной.

— Господин, — с достоинством промолвил он, — это было деянием бога росы. Мы не понимаем. Человек прошел через поля и направился к деревне. Это противоречило закону, поэтому наши люди сделали вид, что не видят его, чтобы потом их не мучила совесть. Однако он не испытывал стыда, даже нарушив закон. Он что-то кричал нам, пока шагал через поля. Потом он приблизился к деревне, где наши люди вновь сделали вид, что его не замечают. Тогда он вытащил неизвестный инструмент и ударил с его помощью огнем по домам, уничтожая все вокруг.

— Плазменное ружье, — нахмурившись, сказал Болес. — У нас будут неприятности. Он нарушил инструкции.

— Он вошел в храм бога росы, — по-прежнему величественно продолжал рассказывать встревоженный вождь. — Там много блестящих камней, похожих на росу, только они не исчезают под светом солнца. Они такие твердые, что мы с их помощью делаем рисунки на посуде и стенах домов. Но часто, поскольку они так напоминают росу, мы отдаем их богу. Человек ужасно хотел их получить. Он срывал их со стен храма, которые они украшали. А потом человек зашел во внутреннюю часть храма, где находится святость бога росы, и не смог пережить увиденное. И он умер.

— Не смог вынести святости бога росы, говоришь? — скептически спросил Болес.

— Бог росы, — заметил вождь хонки, — стряхивает росу перед рассветом с нашего урожая, чтобы он не менял цвет и не становился несъедобным, как дикие растения джунглей. Один из нас каждое утро проносит его головной убор и рог по нашим полям. И когда роса падает с листьев на землю, он торопится в храм. Каждое утро миллионы капель росы стекаются в храм и собираются вместе, образуя святость бога росы. И мы кладем туда самые блестящие камни, чтобы приветствовать бога.

Болес заморгал, а потом подскочил на месте.

— Святость? — воскликнул он. — От колебаний воздуха происходит нечто вроде ливня с ураганом. Получается система орошения. Конечно! Внутри храма находится целый водоем росы! Озеро! Настоящий бассейн с водой. И там лежат блестящие камни?

— Господин, блестящие камни покрыты святостью на большом пространстве, — извиняющимся тоном сказал вождь хонки. — А человек ужасно их хотел. Если бы мы это поняли, то отдали бы их. Мы приносим камни издалека, но наша религия такова, что мы охотно дарим друг другу то, что нам хочется получить больше всего. Если в обычае человека желать блестящие камни, мы их отдадим.

Болес смотрел на пригоршню кристаллов из карманов Фанеса, которого хонки принесли в форт.

— Они ничего не стоят, — с досадой произнес он. — У нас их называют цирконами. Они красивы, но дешевы. Они такие твердые, что ими можно резать мыльный камень. Наверное, Фанес решил, что это алмазы. А когда он увидел бассейн, выложенный алмазами, то сошел с ума. И нырнул за ними. Наверное, там оказалось глубже, чем он думал. Он надеялся достать камни, но

не сумел выбраться обратно, поскольку в резервуаре нет ступеней. В результате он утонул — на Ориксе, где никогда не идет дождь. Ну и ну!

— Бог росы уничтожил его, поскольку он нарушил закон, — почтительно сказал хонки.

— Он умер из-за того, что был глупцом, не выполняющим инструкции, — ядовито возразил Болес.

Над их головами раздался шум. Он быстро усиливался, превращаясь в чудовищный рев. Он был таким громким, что задрожали листья деревьев.

Грузовой корабль приземлился, и земля содрогнулась. Болес вскочил на ноги, сжав руки в кулаки.

— Он знал! — разъяренно закричал Болес. — Он знал, что корабль прилетит раньше положенного срока. В его обязанности входило слушать сообщения по рации. Он ничего не сказал, и мы не подготовили товар для погрузки! Черт бы его побрал! Это его вина. Ему следовало выполнять инструкции.